

Лучшая мировая классика

Пелам Гренвилл

ВУДХАУС

На помощь, Дживс!
Держим удар, Дживс!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Лучшая мировая классика»

Pelham Grenville Wodehouse

JEEVES IN THE OFFING
STIFF UPPER LIP, JEEVES

Перевод с английского

А.Н. Балясникова («На помощь, Дживс!»),

И.В. Шевченко («Держим удар, Дживс!»)

Серийное оформление и дизайн обложки *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения The Trustees of the
P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств Rogers,
Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 На помощь, Дживс! ; Держим удар, Дживс! : [романы] /
Пелам Гренвилл Вудхаус ; [пер. с англ. А.Н. Балясникова,
И.В. Шевченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
384 с. — (Лучшая мировая классика).

ISBN 978-5-17-112845-6

«На помощь, Дживс!»

Верный слуга Дживс отправляется в отпуск. Лишившись на время своего ангела-хранителя, Берти Вустер находит приют в загородном поместье тети Далии, где он оказывается в компании бывшей невесты, экстравагантного юноши по кличке Бродвейский Уилли и учителя, когда-то досаждавшего маленькому Берти. И конечно же, мистеру Вустеру не избежать ловушек и каверз, которые приготовила ему судьба, а уж когда в доме обнаруживается пропажа серебряного сливочника, Берти попадает в самый центр скандальной истории.

«Держим удар, Дживс!»

Очередные похождения молодого аристократа Берти Вустера и его слуги, спасителя и ангела-хранителя — невозмутимого Дживса. Снова и снова Берти Вустер попадает как кур в ощи́п в крупные неприятности. Ему грозят ужасы разорения, позора, скандала или женитьбы. Однако в последний момент незаемимому Дживсу всегда удается найти выход из самой безнадежной ситуации...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1960, 1962

© Перевод. А.Н. Балясников, 2016

© Перевод. И.В. Шевченко, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-112845-6

На помощъ,
ДЖИВС!

Глава 1

Дживс поставил скворчащую яичницу с беконом на стол, и мы с Реджинальдом Сельдингом — по прозвищу Селедка — схватили вилки и ножи и принялись с жадностью уплетать завтрак. Сельдинг — мой друг с незапамятных времен, нас с ним связывают неизгладимые воспоминания, вроде бы так их принято именовать. Много лет назад, в нежном возрасте, мы вместе отбывали срок в Малверн-Хаусе в Брамли-он-Си — приготовительной школе, руководимой непревзойденнейшим злодеем всех времен и народов, магистром гуманитарных наук Обри Апджоном, и часенечко ждали вместе в кабинете Апджона, когда он влепит нам полдюжины горячих тростью, которая, по известному выражению, кусает, как змей, и жалит, как аспид. Так что мы привязаны друг к другу, как двое старых вояк, сражавшихся плечом к плечу в День святого Криспина, если только я не перепутал этого Криспина с кем-то еще.

Мы мигом очистили тарелки, залили горячий бекон укрепляющим дух и тело кофе, и я уже потянулся за мармеладом, но тут услышал верещание телефона в холле. Я поднялся из-за стола и снял трубку.

— Резиденция Бертрама Вустера, — произнес я. — Вустер у аппарата. А, привет, — добавил я, ибо голос, гудевший на другом конце провода, принадлежал миссис Томас Портарлингтон Траверс из Бринкли-Корта,

Маркет-Снодсбери, под Дройтвичем, или, говоря проще, моей обожаемой тетушке Далии. — Сердечно приветствую вас, дражайшая родственница, — сказал я. Я действительно был рад ее звонку: с этой дамой я всегда готов почесать языком.

— У-лю-лю! — услышал я знакомый охотничий клич. — Как поживаешь, юный осквернитель пейзажа? — ласково осведомилась она. — С чего это ты так рано поднялся? Или еще не ложился после ночного загула?

Я поспешил опровергнуть клеветнические обвинения:

— Пальцем в небо. Никаких загулов. Уже неделя, как я встаю с жаворонками, чтобы составить компанию Селедке. Он сейчас живет у меня, его новая квартира еще не готова. Помнишь Селедку? Я как-то летом привозил его в Бринкли. Ну этот, с боксерским ухом.

— Теперь вспомнила. Похож на Джека Демпси.

— Точно. Даже больше, чем сам Джек Демпси. Он теперь штатный сотрудник «Рецензий по четвергам», есть такой еженедельник, может, вы знаете, и в связи с этим встречает рассвет уже в редакции. Когда я сообщу ему, что вы звонили, уверен, он пошлет вам нежнейший поклон, ибо испытывает к вам самое глубокое уважение. «Непревзойденное гостеприимство» — вот как он обычно о вас вспоминает. До чего же я рад снова слышать ваш голос, несравненная родственница. А как дела в Маркет-Снодсбери?

— Живем помаленьку. Но я сейчас говорю не из Бринкли. Я в Лондоне.

— И надолго?

— Сегодня же вечером обратно.

— Тогда приглашаю вас на обед.

— Извини, сегодня не получится. Я договорилась перекусить с сэром Родериком Глоссомом.

Ну и ну. Вот уж с кем бы я ни за что не согласился обедать, так с этим знаменитым психиатром; по правде говоря, мы с ним в натянутых отношениях с той самой

ночи в доме леди Уикем в Хартфордшире, когда я, по наущению хозяйской дочери Роберты, в сладкий предрассветный час проткнул его грелку шилом. Без злого умысла, конечно. Я хотел продырявить грелку его племянника, Балбеса Глоссопа, с которым с тех пор нахожусь в состоянии войны, — а они возьми да и поменяйся комнатами. Прискорбное недоразумение, какие, к сожалению, нередко случаются в жизни.

— Бог мой, зачем вам это надо?

— Почему бы и нет? Он угощает.

С этим доводом нельзя было не согласиться: сэконимил — как на дороге нашел, но я все равно не мог ее понять. Чертовщина какая-то: тетушка Далия, вроде бы сама себе голова, по собственной воле готова принимать дневной рацион в обществе этой грозы психов. Однако теток надо принимать такими, какие они есть, это один из первых уроков, которые мы извлекаем из жизни, и поэтому я лишь пожал плечами.

— Что ж, дело ваше, но, по-моему, вы поступаете опрометчиво. Вы, стало быть, прискакали в Лондон лишь затем, чтобы покутить с Глоссопом?

— Нет, я приехала забрать нашего нового дворецкого.

— Нового дворецкого? А что случилось с Сеппингсом?

— Сеппингс нас покинул, Берти.

Я огорченно прищелкнул языком. Мне очень нравился теткин мажордом, немало портвейна выпил я в его буфетной, и эта новость меня расстроила.

— Да что вы говорите, — сказал я. — То-то мне показалось, что он неважно выглядит, когда я последний раз его видел. Да, вот она — жизнь. Все прах и тлен на свете.

— Он уехал в Богнор-Реджис, у него отпуск.

Я с облегчением прищелкнул языком.

— Ах вот как. Тогда другое дело. В последнее время эти краеугольные камни домашнего очага завели

обыкновение уезжать Бог знает куда во время отпуска. Прямо великое переселение народов в Средние века, про которое мне рассказывал Дживс. Кстати, и сам Дживс с сегодняшнего дня в отпуске. Едет в Херн-Бей ловить креветок, и я уже чувствую себя как тот горемыка из поэмы, который лишился своей любимой газели — или какое там у него было домашнее животное. Просто не знаю, что я стану без него делать.

— Зато я знаю. У тебя есть чистая рубашка?

— Даже несколько.

— А зубная щетка?

— Две, и обе превосходного качества.

— Тогда положи все это в чемодан. Завтра ты пере-
езжаешь в Бринкли.

Тоска, которая, подобно туману, окутывает душу Бертрама Вустера всякий раз, когда Дживс убывает в ежегодный отпуск, тотчас рассеялась. Мало что на свете может сравниться с удовольствием погостить в поместье тетушки Далии. Живописнейшая природа, песчаная почва, все мыслимые удобства, включая канализацию и водопровод, и, что самое главное, превосходная кухня настоящего французского повара Анатоля, истинный праздник для желудка гурмана. Словом, все, о чем можно лишь мечтать.

— С превеликим наслаждением! — воскликнул я. — Вы избавили меня от всех забот и, как факир, выпустили из рукава синюю птицу счастья. Можете не сомневаться: завтра же после полудня вы будете иметь удовольствие наблюдать, как я подкачу в моем спортивном авто, с пробором в волосах и с песней на устах. Мне почему-то кажется, что мое присутствие подвигнет Анатоля к новым высотам в кулинарных свершениях. Кто-нибудь еще гостит в вашем бедламе?

— Еще пятеро.

— Пятеро? Ничего себе! — Я снова пощелкал языком. — Дядя Том наверняка в бешенстве, — заметил я, зная, что старикан терпеть не может гостей. Даже

один-единственный постоялец, захавший на уик-энд, порой вышибает его из колеи.

— Том уехал на воды в Харрогит с Артроузом.

— С артрозом? Вы хотите сказать — с радикулитом?

Я считал, что у него радикулит.

— Да не с артрозом, а с Артроузом! С Хомером Артроузом. Это американский магнат, сподобившийся посетить наши палестины. Страдает от язвы желудка, и врач прописал ему минеральные воды в Харрогите. Том отправился с ним, чтобы держать его за руку во время процедур и выслушивать по вечерам жалобы на отвратительный вкус пойла, которое ему приходится глотать днем.

— Очень антагонистично.

— Как?

— Я хотел сказать — очень альтруистично с его стороны. Вряд ли вы знаете это слово, я сам его недавно услышал от Дживса. Это когда один человек проявляет к другому бескорыстное участие, не жалея времени и сил.

— Бескорыстное? Как бы не так! Том хочет заключить с Артроузом очень выгодную сделку. Если это удастся, он сорвет большой куш, не облагаемый подоходным налогом. Поэтому он лебезит перед ним, как начинающая актриса перед голливудским продюсером.

Я понимающе кивнул, хотя мог и не трудиться — все равно она меня не видит. Мне не составило никакого труда воссоздать ход мыслей мужа моей тетки. Т. Портарлингтон Траверс сколотил себе состояние, которого вполне хватило бы на семерых, но при этом постоянно озабочен тем, как бы еще добавить в кубышку хоть малую толику, полагая — и совершенно справедливо, — что всякая толика, добавленная к уже имеющемуся, делает кубышку на толику полнее. А уж в чем ему нет равных, так это в умении уклоняться

от уплаты налогов: каждый пенс, который государству удастся из него вытянуть, он оплакивает, как собственного сына.

— Вот почему на прощание он заклинал меня всячески ублажать миссис Артроуз и ее сына Уилли и обращаться с ними как с королевскими особами. Так что они теперь окопались в Бринкли.

— Вы говорите, его зовут Уилли?

— Уменьшительное от Уилберта.

Я задумался. Уилли Артроуз. Вроде бы знакомое имя. То ли я его где-то слышал, то ли в газетах мелькнуло. Но где, не помню.

— Адела Артроуз пишет детективные романы. Ты не поклонник ее творчества? Как только приедешь, придется штудировать ее романы, в таких делах не следует пренебрегать и малым. У меня есть полное собрание ее сочинений. Она превосходно пишет.

— С удовольствием готов прочесть все, что она настряпала, — ответил я, будучи — черт, как это называется по-испански? — афи-кто-то остросюжетного читива. Кажется, афишинадо*. — Особенно если там парочка-другая трупов. Стало быть, мы установили, что в числе ваших постояльцев числятся миссис Артроуз и ее сын Уилберт. Кто еще?

— Леди Уикем с дочерью Робертой.

Я пошатнулся, словно чья-то невидимая рука нанесла мне удар под ложечку.

— Как? Бобби Уикем? Только этого не хватало!

— Что это ты так всполошился? Ты ее знаешь?

— Еще бы мне ее не знать!

— А, понимаю. Она что, из легиона девиц, с которыми ты когда-то был помолвлен?

— Не совсем. Формально мы не были помолвлены. Но лишь потому, что она не захотела пойти мне на встречу.

* Aficionado — страстный любитель (исп.). — Здесь и далее примеч. пер.

- То есть дала от ворот поворот.
- Слава Богу, да.
- Почему слава Богу? По-моему, очень эффектная барышня.
- Согласен, ее внешность не оскорбляет глаз.
- Красавица.
- Совершенно справедливо, но разве красота — все? Душа, по-вашему, не в счет?
- А что, по части души имеются претензии?
- Увы. Душа на уровне гораздо ниже среднестатистического. Могу вам сказать, что... Впрочем, довольно об этом. Зачем беречь раны.

Я мог бы назвать не менее сотни причин, по которым любой разумный индивид, пекущийся о своем душевном покое, предпочтет держаться подальше от вышеупомянутой рыжеволосой фурии, но это заняло бы слишком много времени, а мне не терпелось вернуться к мармеладу. Скажу лишь, что я давно уже очнулся от гипноза и всецело осознал, что, отклонив мое предложение прошествовать к алтарю в стае подружек невесты, юная леди оказала мне неоценимую услугу, и вот почему.

Когда тетя Далия назвала этого беса в юбке красавицей, она ничуть не погрешила против истины. В самом деле, ее внешняя оболочка того сорта, что заставляет случайного наблюдателя качнуться на каблуках и присвистнуть от восхищения. Но, обладая глазами, сияющими, как звезды, волосами оттенка спелой вишни, неотразимым шармом, *espièglerie** и прочими необходимыми аксессуарами, Б. Уикем сочетает с ними непредсказуемость бомбы с часовым механизмом. Находясь в ее обществе, постоянно испытываешь тоскливое чувство, что вот-вот все с треском полетит к чертовой бабушке. Никогда не знаешь, что она может выкинуть и в какую невообразимую передрагу влипнешь по милости ее легкомыслия.

* Игривость (*фр.*).

— Мисс Уикем недостает серьезности, сэр, — предостерег меня Дживс, когда моя любовная лихорадка была в самом разгаре, — она ветрена и легкомысленна. Я бы не рискнул рекомендовать кому бы то ни было в качестве спутницы жизни юную леди с рыжими волосами столь яркого оттенка.

И он, как всегда, был прав. Я уже рассказывал, как она подговорила меня прокрасться в спальню сэра Родерика Глоссопа и проткнуть шилом его грелку, и это еще цветочки по сравнению с другими ее выходками. Короче говоря, Роберта, дочь покойного сэра Катберта и леди Уикем из Скелдингс-Холла, Хартс — сущий динамит, и всякому, мечтающему о спокойной жизни, лучше держаться от нее подальше. Перспектива оказаться с ней под одной крышей, при всех тех возможностях, которые загородный дом предоставляет изобретательной девушке, чтобы втянуть своих друзей и близких в очередную заваруху, породила у меня серьезные сомнения и чуть было не заставила отказаться от поездки.

Не успел я оправиться от этого удара, как престарелая родственница нанесла следующий, и это был чистый нокдаун.

— И еще у нас гостит Обри Апджон со своей падчерицей Филлис Миллс, — сказала она. — Такая вот компания. Что с тобой? У тебя астма?

Очевидно, она спросила про астму, услышав хриплый стон, который сорвался с моих губ, и должен сознаться, что он весьма походил на предсмертный крик подстреленной дикой утки. Впрочем, такая моя реакция была вполне оправданной. Человек с более слабыми нервами взвыл бы на моем месте, как пожарная сирена. На ум пришли слова, которые сказал мне как-то Селедка. «Знаешь, Бerti, — сказал он, находясь в философическом настроении, — нам с тобой есть за что благодарить судьбу. Как бы ни была сурова к нам жизнь, есть одна мысль, которая должна нас

укреплять и поддерживать во всех наших невзгодах. Пусть над нашими головами сгущаются тучи и тьма скроет полуденное солнце; пусть в ботинке вылезет гвоздь или мы угодим под дождь без зонтика; спустившись к завтраку, мы можем обнаружить, что кто-то съел последнее яйцо всмятку; но при всем этом у нас всегда есть утешение, что мы никогда больше не увидим этого кровопийцу Обри Апджона. Вспоминай об этом в минуты уныния», — сказал он, и я всегда свято следовал его совету. И вдруг сейчас этот прохвост снова всплывает в моей жизни. Тут самый мужественный человек затрубит умирающим селезнем.

— Обри Апджон? — дрожащим голосом спросил я. — Тот самый Обри Апджон?

— Именно. После того как ты сбежал из его каталажки, он женился на Джейн Миллс, моей подруге и обладательнице крупного состояния. Она умерла, у нее осталась дочь, моя крестница. Апджон вышел в отставку и занялся политикой. По последним слухам, местные политиканы собираются выдвинуть его кандидатом консерваторов от Маркет-Снодсбери на следующих дополнительных выборах. Тебе, наверное, любопытно будет снова с ним повидаться. Или, может, ты боишься?

— Разумеется, нет. Нас, Вустеров, не так легко запугать. Но какого дьявола вы пригласили его в Бринкли?

— Я и не приглашала. Мне хотелось повидать Филлис, а он сам навязался.

— Надо было его выставить.

— Духу не хватило.

— Слабеете, тетушка, слабеете...

— Кроме того, он мне нужен. Будет вручать призы школьникам в Маркет-Снодсбери. Нас, как всегда, известили в последнюю минуту, нужно произнести речь об идеалах и о взрослом мире, который ждет этих шалопаев за порогом школы, а Апджон идеально